

Т. Н. Попова

**О М. А. БАРГЕ:
АВТО-БИО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ШТРИХИ**

Когда Сергей Иванович попросил меня написать «две странички» о М. А. Барге, я задумалась: что я могу сказать об этом Ученом? К сожалению, я не была с ним знакома, и даже не довелось его увидеть, будучи в Москве в 1980-е гг. Для меня Михаил Абрамович всегда был из плеяды Небожителей на историографическом Олимпе, и давать оценку его творчеству не моя парадигма – есть более достойные.

Но Михаил Абрамович, сам того не ведая, сыграл лично в моей научной биографии немалую роль, и об этом мне хочется сказать несколько слов.

1. В судьбе университетского ученого всегда значительную роль играет дидактический фактор: читаемые курсы лекций, особенно когда они оказываются созвучными интеллектуальным интересам, во многом определяют индивидуальный выбор исследовательского поля. История нашей науки подтверждает этот тезис многочисленными примерами.

2. В университетской практике советского времени довольно «жесткое» разделение учебных курсов по специальностям и специализациям способствовало определенной интеллектуальной изоляции. Пожалуй, первым учебником по русской историографии, в котором давался широкий европейский контекст, был учебник А. Л. Шапиро (1982). Начиная как историограф-русист, на следующем этапе овладения профессией для меня неизбежно было обращение к мировому историографическому наследию. Чтение классических историографических источников сопровождалось освоением их комментариев в исследовательской литературе. Знакомство с интерпретациями «западного» наследия, ведущих тенденций европейской и мировой историографии шло, в том числе, и по изданиям Томского университета (школа Б. Г. Могильницкого) и др.

3. Первое приближение к трудам М. А. Барга состоялось еще в студенческие годы: его англоведческие работы входили в программу изучения ряда курсов по средневековой и новой истории. Особо

запомнился образ Кромвеля. В первые «преподавательские годы» событием стала книга М. А. Барга о Шекспире (1976): помню ее активное обсуждение в кулуарах факультета.

Освоение истории исторической науки неизбежно приводит к осмыслению теоретических проблем, поэтому выход трудов М. А. Барга «Категории и методы исторической науки» (1984), «Эпохи и идеи: Становление историзма» (1987), появление позже, в эпоху «перестройки», статей о цивилизационном подходе и др. стали для меня серьезной вехой в профессиональном «взрослении».

4. «Читать» Барга было совсем не просто. «Обвал» новой терминологии – история идей, интеллектуальная история, рефлексия, ментальность эпохи, историографическая революция, трансперсональное мировидение, парадигма, тип историописания, история памяти, нормативная история и проч. – ломало привычные языковые стереотипы.

Старшее поколение, вероятно, помнит, что М. В. Нечкина – безусловный авторитет для всех историков исторической науки – отнюдь не приветствовала «иностранные слова», а А. В. Санцевич, замечательный ученый, известный специалист в Украине в области истории и методологии исторического знания, был убежден в том, что любой научный текст должен быть доступен выпускнику средней школы. В связи с этим у меня с Анатолием Васильевичем (при всем его добром ко мне отношении) даже возник небольшой конфликт в 1995 г. на знаменитой конференции в Харькове из-за моей статьи «Об институционализации историографии»: Анатолий Васильевич упрекал меня в том, что ничего не понял, и историк так писать не должен (кстати, в качестве моего «адвоката» выступил тогда В. Г. Сарбей, всемерно поддерживавший мои начинания). Сегодня научный лексикон М. А. Барга вошел в обывденный тезаурус историографа, став своеобразным маркером профессионализма.

Освоение нового категориального аппарата сопровождалось попытками вникнуть в смысл понятий и значений, в виртуозную насыщенность авторской мысли. Книги М. А. Барга заставляли овладевать новыми когнитивными пространствами.

5. М. А. Барг подтолкнул меня и к тому направлению исследований в области истории исторической науки, которое стало для меня стержневым – дисциплинарная история историографии (хотя четкое осознание того, чем я спонтанно начала заниматься, пришло ко мне приблизительно к середине 90-х гг.). Дисциплинарное наименование

истории истории – историография – было закреплено преимущественно с подачи историографов-русистов: Н. Л. Рубинштейна, Л. В. Черепнина, М. В. Нечкиной, В. Е. Иллерицкого, И. Д. Ковальченко и других фундаторов этой дисциплины, хотя и «всеобщники» склонялись к этой традиции, например, О. Л. Вайнштейн (воспитанник Новороссийского университета), хорошо знавший ее истоки, и др.

Впервые иное наименование этой дисциплины я увидела у С. Л. Пештича («Русская историография XVIII века», 1961), позже зафиксировала эту формулу в статьях авторов историографического сборника Томского университета. Но отчетливо сфокусировала свое внимание на этом вопросе, читая М. А. Барга. Последующее знакомство с науковедческой литературой (по истории, философии и социологии науки), трудами А. Ф. Лосева («Философия имени», 1990 и др.) привели к осмыслению коридора интересов.

6. ...Тщетно искала я у М. А. Барга имя П. М. Бицилли – был лишь А. Я. Гуревич. Знал ли Михаил Абрамович о Би (это – автограф Петра Михайлович на подаренных им библиотеке Новороссийского университета его книгах)? Не мог не знать: и О. Л. Вайнштейн, и А. Я. Гуревич писали о П. М. Бицилли и ссылались на его труды...

7. Книга «Эпохи и идеи» и сейчас для меня – «настолярная», моих пометок на ее страницах становится все больше с каждым обращением (всегда читаю с карандашом в руках и «расписываю» текст, когда нахожу – мудрое/ новое/ созвучное и т.п.).

Наследие М. А. Барга – неисчерпаемо. Как говорил он сам, вторя предшественникам: «... каждая культурно-историческая эпоха в соответствии с собственным опытом способна извлечь из небытия только определенный ряд «исторических фактов», которых до нее в писаной истории не было. Для того чтобы определенный класс событий получил «доступ» в нее, т.е. оказался в поле зрения историка, нужно их «заметить», осознать, оценить, т.е. определить меру их важности для понимания хода истории в целом» («Эпохи и идеи». С.13).

С каждым новым юбилеем, побуждающим к «массированному» коллективному проникновению в сокровищницу наследия Мастера, приходит и новый этап «доступа» к его идеям, новый виток в прозрении очередного поколения историографов.

